

№ 194 — Суббота, 17 июля 1904 года.

Годъ двѣнадцатый.

№ 194 — Суббота, 17 июля 1904 года.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

Редакция и контора: Большая Покровка, дома Пристипиничева. Телефонъ № 272.

Подписка на годъ. Для городскихъ подписчиковъ: за 1 р.—2 мѣс. 1 р. 50 к.—3 мѣс. 2 р.—4 мѣс. 2 р. 50 к.—5 мѣс. 3 р.—6 мѣс. 4 р.—7 мѣс. 4 р. 50 к.—8 мѣс. 5 р.—9 мѣс. 5 р. 50 к.—10 мѣс. 6 р.—11 мѣс. 6 р. 50 к.—12 мѣс. 7 р.

Подписка на годъ. Для иногородней подписки: за 1 р. 25 к.—2 мѣс. 1 р. 75 к.—3 мѣс. 2 р. 50 к.—4 мѣс. 3 р.—5 мѣс. 3 р. 50 к.—6 мѣс. 4 р.—7 мѣс. 4 р. 50 к.—8 мѣс. 5 р.—9 мѣс. 5 р. 50 к.—10 мѣс. 6 р.—11 мѣс. 6 р. 50 к.—12 мѣс. 7 р. 50 к.—8 р.

За доставку „Нижнего Листка“ по городу уплачивается сверхъ стоимости газеты по иногородней подпискѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ, доставка производится съ 1-го числа каждого мѣсяца. Иногороднимъ за каждую перемѣну адреса плата.

Цена номера въ роз. прод. 5 к.

Плата за объявленія: первая строка 20 к. за строку текста после текста 10 к. за строку текста. Обязательна мѣсячная, семимѣсячная и годовая по особому соглашенію.

Рукописи подавать въ редакцію въ удобности, сокращенно и кратко. Статьи, присланные безъ означенія условій договора, принимаются безвозвратно. Возвращеніе рукописей для редакціи не обязательно, жаль рукоп. не хранитъ. Рукописи, присланные въ редакцію, должны быть обозначены именами, фамиліей и адресомъ.

Контора редакціи открыта для приема подписки и объявленій ежедневно съ 10 ч. утра до 8 ч. в. Редакция для личныхъ объясненій открыта отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

„У Толстого“

Подъ такимъ заголовкомъ въ газетѣ *Русь* напечатанъ весьма интересный фельетонъ А. Зенгера, изъ котораго мы приводимъ нѣкоторыя выдержки:

— Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ про Чехова и про реформу орфографіи. Самъ не соберусь писать,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Такъ, скончался Антонъ Павловичъ. Хорошіе похороны, говорите, были? Ну, отлично. Рѣчей не было? По его желанію? Прекрасно, это прекрасно. Не надо рѣчей. Я именно поэтому и не принималъ никакого участія въ его похоронахъ. Я противъ всякихъ демонстрацій. Даже и Тургеневу еще,—онъ парочно ко мнѣ пріѣзжалъ приглашать на пушкинскія торжества,—отказалъ тогда по тѣмъ же соображеніямъ. Потому что это мой давнишній взглядъ: не надо демонстрацій никакихъ, особенно посмертныхъ. Ну, вотъ, разъ вы захвали, я могу вамъ высказать то, что думаю о Чеховѣ. Чеховъ, видите ли, это былъ несравненный художникъ. Да, да, именно—несравненный. Художникъ жизни... И достоинство его творчества въ томъ, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человѣку вообще. А это главное. Я какъ-то читалъ книгу одного нѣмца. И тамъ вотъ молодой человѣкъ, желая сдѣлать своей невѣстѣ хорошій подарокъ, даритъ ей книги. И чьи?—Чехова. Считаю его выше всѣхъ извѣстныхъ писателей... Это очень вѣрно. Я былъ пораженъ тогда. Но я долженъ сказать, что самъ по себѣ Чеховъ не давалъ содержанія своимъ произведеніямъ. Онъ бралъ изъ жизни то, что видѣлъ, независимо отъ содержанія того, что видѣлъ. И если ему попадалось явленіе содержательное само по себѣ, то и вещь получалась содержательная. „Въ оврагѣ“, на примѣръ, или „Тоска“. Если же явленіе было безсодержательное, то и рассказъ такой же получался. Зато если ужъ онъ бралъ что-нибудь, то передавалъ удивительно образно и понятно, до мелочей ясно. То, что занимало его въ моментъ творчества, то онъ воссоздавалъ до послѣднихъ черточекъ. Онъ былъ искреннимъ, а это великое достоинство. Онъ писалъ о томъ, что видѣлъ и какъ видѣлъ. И благодаря искренности его онъ создалъ новыя, совершенно новыя для всего міра, по-моему, формы письма, подобныхъ которымъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Его языкъ—это не обычный языкъ. Я помню, когда я его въ первый разъ началъ читать, онъ мнѣ показался какимъ-то страннымъ, нескладнымъ, но какъ только я вчитался, такъ этотъ языкъ захватилъ меня. Да, именно благодаря этой „нескладности“, или не знаю, какъ это назвать, онъ захватываетъ необычайно и точно безо всякой воли вашей вкладываетъ вамъ въ душу прекрасныя художественныя образы. Я повторяю, что новыя формы создалъ Чеховъ, и, отбрасывая всякую ложную скромность, утверждаю, что по технике онъ, Чеховъ, гораздо выше меня. Это единственный въ своемъ родѣ писатель. Онъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ писателей, которыхъ, какъ Диккенса и Пушкина и немногихъ подобныхъ, можно много, много разъ перечитывать. Я это знаю по собственному опыту. Одно могу сказать вамъ: смерть Чехова—это большая потеря для насъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ несравненнаго художника, мы лишились въ немъ прелестнаго, искренняго и честнаго человѣка. Это былъ обаятельный человѣкъ, скромный, милый...

Теперь я вамъ скажу о другомъ. Это мелочь, конечно, но объ этомъ столько говорятъ вздора, что я уже давно хочу сказать по этому поводу нѣсколько словъ... о реформѣ правописанія... По-моему, реформа эта нелѣпа, да, да, нелѣпа,—это типичная выдумка ученыхъ, которая, конечно, не можетъ пройти въ жизнь. Языкъ—это послѣдствіе жизни, онъ созданъ исторически, и малѣйшая черточка въ немъ имѣетъ свое особое, осмысленное значеніе. Человѣкъ не можетъ и не смѣетъ передѣлывать того, что создаетъ жизнь. Это бессмысленно—пытаться исправлять природу, бессмысленно... Говорятъ, гимназистамъ будетъ легче. Да, можетъ-быть, но за то намъ будетъ труднѣе; да и имъ будетъ легче только писать, а читать они будутъ дольше, чѣмъ мы читаемъ... Для меня, на примѣръ, очень трудно разбирать безъ твердаго знака. Сплошь да рядомъ читаешь и не знаешь, къ какому слову отнести промежуточную букву; къ предыдущему или послѣдующему. Но къ этому еще можно привыкнуть. Что же касается до уничтоженія Э, Ъ и проч. подобныхъ буквъ, то это нелѣпо. Это, я уже сказалъ, упроститъ, можетъ-быть, письмо, но зато безусловно удлиннитъ процессъ чтенія: вѣдь мы только пишемъ по буквамъ, чи-

таемъ же вовсе не по буквамъ, а по общему
виду словъ.